Полина Сергеевна

Автор:
Наталья Нестерова

Полина Сергеевна

Наталья Нестерова

Разговор по душам

Как известно, женщина может поставить на ноги, а может сбить с ног самого сильного мужчину. И снова подняться ему поможет только другая женщина, подчас не новая любимая, а близкая и понятная, привычная и неожиданная – мама. Полина Сергеевна создавала вокруг себя уют и счастье, но однажды ее семья превратилась из рая в ад. Благодаря особе, которая воцарилась в их доме законно и унизительно – сын-школьник женился на великовозрастной пустышке. Она не задержалась в их семье, упорхнула, оставив младенца. Но мать всегда возвращается к ребенку, даже если ее место занято уже десять лет. И Полине Сергеевне снова нужно спасать семью, выпестованную с таким трудом…

Наталья Нестерова

(Умеренкова Наталья Владимировна)

Полина Сергеевна

Роман

* * *

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

© Н. Нестерова, 2018

Все права защищены

© ООО «Издательство АСТ», 2018

Пролог

Утренние часы принадлежали Полине Сергеевне. Проводив мужа на работу, а внука в школу, она принимала душ, укладывала волосы, наносила легкий макияж. Хотя Полина Сергеевна давно не работала, она не позволяла себе ходить распустехой – в драном халате и стоптанных тапках. Даже если точно знала, что не выйдет сегодня на улицу, красилась и одевалась, как на службу. В такой день к ним мог заглянуть разве что электрик, чтобы списать показания счетчика, или газовщик, чтобы проверить плиту. Полине Сергеевне было абсолютно безразлично, какое впечатление она произведет на подобных визитеров. Она не относилась к тем женщинам, что стараются нравиться всем и каждому, а недостатки внешности маскируют с помощью краски и пудры. Полина Сергеевна знала, что она мила и привлекательна, не писаная красавица, но очень обаятельна – ей говорили об этом тысячу раз люди, встречавшиеся в жизни. И в пятьдесят с лишним лет обаяние не исчезло, а перешло в другую стадию, возможно, более ценную. Красивых девушек много, а обаятельных немолодых женщин – единицы, и они знают себе цену. Высшая степень обаяния – присутствие шарма, то есть не просто симпатичное лицо, а неуловимая игра жестов, мимики, выражения глаз, делающая женщину неотразимой. Полина Сергеевна удостаивалась лестного комплимента – женщина с шармом. Никакими красками шарма не нарисовать, никакими прическами и украшениями не создать. Напускной, отрепетированный, актерский шарм превращается в жеманное кривляние. Шарм – подарок природы, он либо есть, либо отсутствует. К Полине Сергеевне природа была благосклонна. Материалистка без компромиссов, Полина Сергеевна считала, что удачной внешностью обязана не

абстрактной природе, а конкретным генам предков.

Привычку с утра приводить себя в порядок, независимо от того, планируется ли выход в люди, Полине Сергеевне привил, сам того не подозревая, отец. Он души не чаял в единственной дочери. Ему казалось, что Полиньку – нежную, хрупкую, стеснительную, робкую – затопчут, затюкают, обидят, ранят. Поэтому он часто говорил о самоуважении, которое есть броня. Если человек уверен в себе, если уважает свои принципы, то нападки и агрессия ему не страшны. Поля хорошо усвоила эти уроки и сделала свои выводы. Для девочки-девушки-женщины ухоженность – одна из основ самоуважения, поэтому ее, Полин, облик всегда должен быть безупречен.

В молодости муж, для которого она была прекрасна в любых нарядах, а еще краше без оных, с любой прической, хоть «взрыв на макаронной фабрике», удивлялся тому, что Полинька жертвует драгоценными минутами утреннего сна, чтобы завить волосы и накрасить ресницы.

– Мы ведь на дачу едем, – говорил Олег. – Ты целый день проторчишь на грядках. Думаешь, огурцы и помидоры оценят твой макияж?

– Конечно! – с дурашливой уверенностью заверяла Поля. – Особенно я рассчитываю на успех у цветков мужского типа.

– Я начинаю р-р-ревновать, – рокотал Олег. – Покажешь мне эти мужские цветки, я им пестики оборву. В самом деле, Поля! Охота тебе вставать ни свет ни заря?

Говорить про женское самоуважение было не ко времени и не к месту. Поэтому Поля нашла другие аргументы:

– У каждого человека есть утренний гигиенический ритуал – умыться, зубы почистить. Немытым трубочистам стыд и срам. Мой ритуал несколько длиннее. Кроме того, я ведь… – поводила в воздухе губной помадой Поля, – служу. Да, служу. Тебе, сыну и родине, конечно.

– Родина без твоих кудряшек пропала бы.

– Как всякий служивый человек, ефрейтор, например… Нет, ефрейтор не солидно…

– Генерал, – подсказывал муж.

– Да. Как хороший генерал, я не могу являться на службу с перьями в волосах и в трениках вместо штанов с лампасами.

Потом, если Поля о чем-то просила мужа или поручала что-то сделать, и ее просьба не расходилась с его планами, он отвечал: «Так точно, мой генерал! Будет исполнено!»

Полина Сергеевна заканчивала маникюр, покрыла ногти лаком, когда раздался телефонный звонок. Вначале она не поняла, кто говорит.

– Кто-кто? Люся? Простите?

– Полина Сергеевна, я, Люся Камышева. Забыли? Ну, Юся!

– Ты? – ахнула Полина Сергеевна. – Зачем ты? Почему? Что случилось?

– Я приезжаю.

– Приезжаешь? – переспросила Полина Сергеевна. – В каком смысле?

– В смысле самолетом прилетаю.

– Зачем?

– Повидаться и вообще. Хорошо, что у вас телефон старый, а то я ведь ни одного номера не знаю.

«Нормально матери не знать, где обитает ее сын? – подумала Полина Сергеевна. – Господи, еще бы тысячу лет не знала! Чтоб ты провалилась, сгинула! Почему ты не сгинула?»

Полина Сергеевна закашлялась, потому что испугалась, не произнесла ли последний вопрос вслух.

Опасения были напрасны.

– Сеня может меня встретить? – спокойно спросила Юся. – Рейс из Нью-Йорка.

– Арсений в командировке, – зачем-то соврала Полина Сергеевна.

– Сама доберусь. Вы по старому адресу?

– Да.

– Тогда до свидания!

Полина Сергеевна положила трубку. Посмотрела на свои руки – незастывший лак на трех ногтях размазался. Надо перекрашивать.

Господи! Перекрашивать! Маникюр! Когда рушится наступившая после стольких испытаний, горя, страха и отчаяния спокойная, тихая, счастливая жизнь!

Если бы Полине Сергеевне сказали, что в ее квартире поселится цыганский табор, который с утра до вечера будет горланить песни и танцевать, что в ее дверь станут названивать подозрительные личности – то ли наркодилеры, то ли скупщики краденого, она испугалась бы меньше.

Часть первая

Они были соседями по даче. Люся на двенадцать лет старше сына Полины и Олега. Маленький Арсений не выговаривал «Люся» и звал ее Юся. Как большинство девочек, Юся обожала младенцев, катала Сеню в колясочке, кормила из бутылочки, днями пропадала на их участке. «Нянька у вас теперь бесплатная», – усмехалась мама Юси, шумная и бесцеремонная Клавдия. Услуги няньки Полине не требовались, не покидал страх, что Люся, которая видит в

младенце большую игрушку, нечаянно нанесет вред ребенку. Но девочка так радовалась каждому движению малыша, что отправить ее со двора не поворачивался язык.

«Из нее получится хорошая мать», – говорила Полина. В двенадцать лет уже было ясно, что интеллектуалки из Люси не вырастет. Училась она плохо, книжек не читала, и круг ее интересов ограничивался недетскими телепередачами про модных эстрадных див. Коротконогая, пухленькая, она обещала стать девушкой с аппетитными формами, а после тридцати превратиться в копию своей мамы – бочкообразную женщину с тремя подбородками, маленькими толстыми руками, которыми не дотянешься спину почесать. В наивности, неразвитости, восторженности Люси была трогательная девчоночья прелесть. Ее непрекращающийся щебет не раздражал, как не раздражает пение птиц. Она напоминала цветочек в бутонной стадии, про который знаешь, что, распустившись, он не будет представлять собой ничего особенного, но пока радует глаз.

На следующее лето годовалый Арсений, по-домашнему – Сеня, уже смешно топал, норовил обследовать неположенные места вроде уличного туалета, схватить опасные предметы вроде серпа или вил, заглянуть в колодец, откушать гранул удобрений. Помощь Люси, снова проводившей много времени на их участке, оказалась кстати. Девочке не надоедало строить с Сеней куличики и замки из песка, водить машинки и паровозики. В конце лета Полина подарила Люсе красивый ранец, пенал, наборы карандашей, фломастеров, альбомы для рисования, тетради и другие вещи – к школе. Несколько книг, модные джинсы и кофточку.

«Отблагодарила няньку», – с видимым удовольствием оценила Клавдия.

Полина не мыслила в подобном плане – мол, девочке положена плата за игры с малышом. Полина просто наслушалась сетований Клавы о том, что к школе надо столько купить – разорение, и хотела сделать приятное. Но Клавдия, работавшая учетчицей на овощной базе, рассуждала иначе.

Так и повелось: они виделись летом, Юся играла с Арсением, получала в конце сезона щедрые подарки, которые сама же и заказывала. Полина поражалась тому, что девочка не стесняется просить очень дорогие вещи, но вслух ничего не говорила. Да и делать подарки ведь очень приятно. Напялив кожаную курточку со смешным названием «косуха», Юся скакала и прыгала от радости, как коза.

Сенька помнил про Юсю и зимой. Потешно было слышать от трехлетнего картавившего малыша:

– Моя подлуга Юся говоить, сьто жвачки не умеют надуать только лохи.

– Его подруге Юсе, – уточнял гостям Олег, – пятнадцать лет.

Дачное соседство с Клавдией, которая едва ли не каждый год приезжала с новым сожителем, было не очень приятным. Клавдия и ее брат получили дачу от двоюродной тетушки и никак не могли поделить наследство. Случались пьяные драки, Олегу приходилось усмирять соседей. Напуганная Юся нередко прибегала ночью, оставалась у Полины. Отсутствие девочки мучившаяся похмельем мать обнаруживала только к середине дня, но никакого раскаяния не испытывала. Клавдия относилась к тем людям, которые думают, что им все должны – потакать, помогать, выслушивать бесконечные жалобы и ничтожные рассуждения. Полина стремилась свести их общение к минимуму, что не всегда удавалось, и от словесной трескотни Клавдии начинала болеть голова. Считается, что худой мир лучше доброй ссоры. Может, ошибочно? Раз и навсегда показать Клавдии на выход – и не нужно пить таблетки от мигрени? Но жалко было Юсю, она Сеньке как сестра.

После девятого класса Юся поступила в колледж (теперь так гордо именовались недавние ПТУ) на кондитера. Вскоре бросила, поступила на бухгалтера, снова бросила… Подробностей ее учебы или, точнее, неучебы, Полина не знала. Юся теперь редко приезжала на дачу, да и подросший Сеня со своими мальчишечьими играми в пиратов, в рыцарей, в космодесантников не видел в ней достойной партнерши. Они далеко разошлись по интересам: мальчишка с рогатками и девушка на выданье. Полина хорошо запомнила, когда последний раз видела Юсю. Запомнила, потому что подслушала ее разговор с Сенькой.

Олег и Полина заняли денег и выкупили у соседей участок. Сделке предшествовали юридические хлопоты с оформлением земли и строения – завалившегося щитового домика, с достижением финансового компромисса между Клавдией и ее братом. Это была нервотрепка длиною в год, но двенадцать соток со старым тенистым садом того стоили. Щитовой домик, естественно, предполагалось снести. А на его месте Полина собиралась разбить цветники, сделать альпийскую горку. Олег хотел выкопать пруд и запустить в

него рыбу. Арсений требовал спортивную площадку с баскетбольным кольцом. Они спорили, просиживали над планом, рисуя карандашом и стирая ластиком, вымеряя в масштабе свои мечты. Потом кто-нибудь вздыхал и призывал остальных к реальности: в ближайшие два-три года, пока не отдадут долги, никакое строительство невозможно.

Юся приехала забирать какие-то свои вещи с дачи. Полину неприятно поразил вопрос девушки:

– Тетя Поля, можно я как-нибудь сюда с друзьями завалюсь?

– Юся, боюсь, ты не понимаешь сути произошедшего. Теперь это не ваше владение.

– Ну и что?

– А то, что дом, ваш бывший дом, мы снесем.

– Зачем? Куда мама на лето поедет?

– Юся, ты дура? – хмыкнул Сеня.

– Арсений! – одернула сына Полина, хотя мысленно была совершенно с ним согласна.

Сеньке было четырнадцать лет, следовательно, Юсе – двадцать шесть. Худшие опасения Полины относительно девушки подтвердились. Речь засорена словами-паразитами, симпатичное в общем-то лицо кошмарно раскрашено: ядовито-зеленые тени, черные стрелки на веках, контур губ жирно обведен коричневым карандашом, сами они призывно алого цвета. Полина, которая не выходила из дома, не наложив тонального крема и спокойного блеска для губ, подумала, что бедная Юся напоминает девицу из провинциального борделя, перед выходом к клиентам уродующую себя по принципу «чем вульгарнее, тем прибыльнее». Юся уже начала полнеть: над бедрами, туго обтянутыми джинсами, бугрились валики жировых отложений. Разумнее было бы спрятать их под широкой блузой, но Юся почему-то выставляла лишние килограммы напоказ.

Сенька смотрел на подругу детства с нескрываемой насмешкой. Да и разговор, состоявшийся у Сеньки и Юси на улице, тот самый, подслушанный Полиной, только подтвердил, что сын правильно реагирует на пошлые призывы испорченной девицы.

– Пошли за баню покурим? – пригласила Юся.

– Не курю, – ответил Сеня, – я спортом занимаюсь.

– О-о-о! – протянула Юся. И, подражая грузинскому акценту, кокетливо добавила: – Он спортсмэн, он нэ курит, нэ пьет, дэвушек нэ любит…

Окончания разговора Полина, замершая у окна, не услышала, молодые люди двинулись вглубь участка.

Получая удар, мы инстинктивно ищем опору сзади. Если удар не физический, а эмоциональный, мы ищем опору в своем прошлом, надеемся убедиться, что не прошляпили, не проморгали, не пропустили предвестников несчастья, хотим избавиться от мучительного чувства вины или оправдать свою близорукость. Подчас эти оправдания нелепы, но мы хватаемся за них, как за соломинку. Много лет назад в больнице умерла мама Полины, накануне попросила привезти ей апельсиновый сок. Полина пришла в больницу, ей сообщили о маминой смерти. «Она вчера сок просила», – сказала Полина врачу. И потом все время повторяла про сок. Как будто человек, желающий апельсинового сока, не может умереть от повторного инфаркта. У Веры, подруги Полины, украли в метро кошелек. Вера твердила и твердила: «Но ведь там были все мои деньги! Вся зарплата!» Словно грабители – современные робин гуды и последних денег не стащат.

Когда Юся воцарилась в их семье, Полина Сергеевна часто мысленно возвращалась к той сцене на даче, рисовала перед глазами сына-подростка с уничижительной гримасой на лице, снова и снова прокручивала его слова: «Не курю, я спортом занимаюсь». Ведь он презирал Юсю, явно насмехался над ней! Полине Сергеевне не пришло в голову, что, возможно, именно тогда, уведя Сеньку, ушлая бывалая Юся и преподала ему первые уроки плотских наслаждений.

В последующие годы Юся и Сеня не виделись, это Полина Сергеевна знала точно. Но при упоминании о Юсе сын вовсе не кривился, а несколько его доброжелательных замечаний Полина Сергеевна приписала их старой детской дружбе. Мало ли кто с кем в детстве в одной песочнице играл. Жизненные дороги разводят людей, как стрелы, выпущенные из одной точки с разным отклонением.

* * *

Опасаясь дурных компаний, влияния улицы, Полина Сергеевна максимально загружала сына-школьника. Специализированная английская школа, кружок моделирования, художественная студия, музыкальный детский клуб, секция плавания. Моделированием Сеня увлекался полгода, рисовать отказался через два месяца, слух у него отсутствовал начисто, и затащить его на занятия гитарой нельзя было под дулом пистолета. Но спорт, плавание, потом водное поло Сенька полюбил. Ежедневные трехчасовые тренировки выматывали, засыпал над учебниками, делая вечером домашнее задание. Сенька ушел из бассейна в пятнадцать лет, потому что серьезно увлекся математикой, перешел в математический лицей. Он оказался среди ребят, чья подготовка и природные способности превосходили среднестатистические. Арсений засел за учебники. Он хотел доказать окружающим, а главное себе, что сумеет сравняться с новыми одноклассниками, не будет ходить в отстающих. И доказал.

Говоря знакомым: «Арсений – обычный московский ребенок», – Полина Сергеевна лукавила. Она-то как раз считала сына выдающейся личностью, сочетающей в себе все лучшие мужские качества. Благодаря спорту развит физически, крепок, вынослив, у него фигура юного греческого бога. Прекрасно воспитан, много читает, свободно владеет английским, отлично знает компьютер. Есть все основания гордиться таким сыном.

На самом деле обе характеристики: и первая, и вторая, обычный и выдающийся, – были справедливы. Арсений звезд с неба не хватал, в том смысле, что великими талантами не обладал. Правильное, внимательное воспитание, как заботливый уход за саженцем, дало хорошие плоды. Арсений был под стать родителям – порядочным, совестливым людям. Но именно от родителей он получил незаменимое свойство характера – упорство в достижении цели. Цель не могла быть легкой или заведомо недосягаемой. Целей не могло быть много. Одна, но достойная, и каким бы тяжелым ни был к

ней путь, он должен быть пройден. Полина Сергеевна и Олег Арсеньевич, сами той же закваски, не отдавали себе отчет в том, какое богатство подарили сыну. Им казалось вполне естественным: хотел войти в юношескую сборную столицы по водному полу – и вошел, получил годовые «четверки» по алгебре и геометрии в лицее – вот и славно, молодец. А то, что Арсений превысил предел своих природных спортивных возможностей, что он совершил почти подвиг, заставляя свой мозг постигать математические премудрости, – оставалось за скобками. Когда в семье музыкантов у ребенка абсолютный слух – это нормально, когда ребенок художников хорошо владеет кистью – тоже нормально, никто не удивляется и не восхищается, даже если дети не пойдут по стопам родителей. Так и Полина Сергеевна с Олегом Арсеньевичем не видели ничего особенного в целеустремленности сына. Что, впрочем, не мешало им любить единственного ребенка глубоко, истово, до душевного трепета – так, что приходилось прятать свою любовь за шуткой, доброй насмешкой, юмором. В их доме часто звучал смех, ценился остроумный анекдот и способность подметить забавную несуразность.

Полина Сергеевна, по образованию зоолог, трудовую жизнь провела в отделе референтуры Института биологии Академии наук. Олег Арсеньевич всегда был чиновником. Со времен Гоголя и Салтыкова-Щедрина в российском обиходе чиновник – ругательное слово. Он туп, ограничен, берет взятки, бюрократствует… и далее по списку отрицательных характеристик. Глубочайшее заблуждение! В прошлом писатели не жаловали чиновников, клеймили плохих, достойных не замечали. Сейчас журналисты яростно впиваются в плоть чиновника-вора и не замечают сотен других, которые изо дня в день трудятся честно и с пользой. Если бы все чиновники были лихоимцами, то государство развалилось бы в одночасье, потому что если в машине все шестеренки застопорились, то она ехать не может, стоит на месте, ржавеет, и народу-пассажиру при этом отчаянно плохо. Каста чиновников ничем не отличается от касты военных, врачей, дипломатов или горноспасателей. Везде есть плохие и хорошие. Хороших всегда больше. Олег Арсеньевич – из них. Он работал в московской мэрии, потом – в аппарате Совета министров.

Произносил с вызовом:

– Я – чиновник!

Если видел на лице собеседника презрительную гримасу, начинал выражаться в стиле старого ворчливого служаки:

– Я государственник. А наше государственное устройство вас не устраивает? Простите, батюшка, за тавтологию: устройство не устраивает. Вы приходите к нам, вакансии открыты, вместе попробуем навести порядок. Только предупреждаю: работа кропотливая и беспросветная, известности и благодарности никакой, а шишек каждый божий день, только успевай поворачиваться.

– Знаем мы вас, чиновников! – кривился собеседник.

– Не знаете! – отрезал Олег Арсеньевич. – В том-то и беда, что не знаете! Ярлыки вешать, клеймить – проще простого, а в одной упряжке бежать не всякий конь или собака умеет. Я про коня и собаку – не про вас, батюшка. Какой же вы конь! Вы орел! Рожденный ползать, ой, простите великодушно, летать, конечно, летать… В облаках не заблудитесь!

Олег Арсеньевич служил на флоте и очень ценил писателей-маринистов – Станюковича, Пикуля, Конецкого, из современных – Покровского. Прочитав у Покровского, что тот относится к чиновникам как к тараканам – брезгливо, Олег Арсеньевич расстроился:

– Умный, талантливый парень! Что ж он всех под одну гребенку?

– А как у него там дальше? – спросила Полина Сергеевна.

– «Особенно наших, отечественных, – зачитал Олег Арсеньевич. – Заграничных чиновников я не так брезгую, но ведь и тараканы бывают разные. Бывают экзотические тараканы». Патриот, нечего сказать!

– Не расстраивайся, считай, что ты относишься к разновидности экзотических прусаков. В определенном смысле так и есть.

Олег Арсеньевич взяток не брал и не лоббировал интересов подозрительных фирм. Но большой карьеры не сделал вовсе не поэтому. В высших эшелонах любой отрасли люди группируются по командам. Вопрос «Чей это человек?»

имеет обычно конкретный ответ – имя-фамилию. Иерархия личной преданности выстраивается параллельно иерархии власти. Олег Арсеньевич был ничей, ни в какие команды не входил, был предан делу, а не лицам. Его ценили за профессионализм, но недолюбливали за независимость. В аппарате Совета министров он занимал должность не низкую, но и не высокую – последнюю перед высокой – на которой появляются личная секретарша и машина с персональным водителем. У Олега Арсеньевича их, понятно, не было. Правда, всегда имелись хорошие бонусы – отличные поликлиники, санатории, дома отдыха, и стройматериалы для дачи Олег Арсеньевич покупал по оптовым ценам.

Арсений собирался поступать на экономический факультет МГУ, конкурс туда огромный. Сдавать нужно было письменно математику и сочинение, устно историю и английский. Математика и английский – никаких волнений, но история и особенно сочинение! На коварные вопросы вроде: «Внешняя политика России в первой половине девятнадцатого века» или «Внутренняя политика России во второй половине двадцатого века» требовался развернутый ответ, Арсений же мог сказать только пару общих фраз. Сочинений писать не умел, много читал, но не классическую литературу, все эти «образы», «типичные представители», «милые идеалы» и «лишние люди» вызывали у него тошноту, да и грамотность страдала. До школьных выпускных экзаменов оставалось два месяца, Арсений каждый день ездил к репетиторам, бравшим немалые деньги, но толку от этих занятий, как выяснила Полина Сергеевна, заглянув в отсутствие сына в его конспекты, было немного.

Она позвонила репетитору по русской литературе, поинтересовалась, почему в тетради сына нет никаких сочинений.

– Я с ним давно не работаю, – удивилась преподаватель.

– То есть как? Он к вам ездит, каждую неделю отвозит деньги…

– Возмутительно! Наговор! Как вы смеете!… – принялась разоряться репетитор.

К ней было трудно попасть, только по рекомендациям, Полина Сергеевна изрядно постаралась, чтобы устроить сына к преподавательнице, которая натаскивала писать сочинение самых тупых абитуриентов.

С репетитором по истории все повторилось – он не видел Арсения последние три месяца, полагал, что от его услуг отказались. Хотя, как он выразился, мальчик совершенно сырой.

– Это какая-то ошибка! – говорила Полина Сергеевна мужу. – Я ничего не понимаю! Не мог же Сенька…

Сенька никогда не мог врать, не умел. Если лукавил, было видно сразу – краснел, прятал глаза и быстро, облегченно сдавался, когда его уличали во вранье. Кроме того, сын прекрасно сознавал, что поступить в университет нужно обязательно. В августе ему исполняется восемнадцать лет, провалит экзамены – загремит в армию. Армии Полина Сергеевна боялась больше ада. Она даже уговаривала мужа раз в жизни изменить принципам, найти связи и подстраховать поступление сына в МГУ. Олег Арсеньевич на словах отнекивался, но, переживая не меньше жены, проводил разведку, искал выходы на ректорат.

Они ждали сына, молча теряясь в догадках. Догадки были настолько несуразны и страшны, что язык не поворачивался произнести их вслух.

Пришел Арсений. Только переступил порог, родители выскочили в прихожую, отец спросил:

– Где ты был?

Полина Сергеевна, интуитивно опасаясь вранья сына, выпалила:

– Я звонила репетиторам.

– Можно руки помыть? – с непонятным вызовом спросил Сеня.

– Конечно, – развернулся и ушел в комнату отец.

Они ждали его, сидя рядышком на диване. Сенька не прошел в комнату, а прислонился к косяку, руки засунул в карманы. Полине Сергеевне показалось, что руки его дрожат. Однако на лице никакого страха не было.

– Папа и мама, не волнуйтесь, пожалуйста. Я женюсь, и у меня будет ребенок.

Полина Сергеевна часто встречала в романах и слышала в разговорах выражения: «Это было точно не со мной… будто во сне… как в дурном кино». Она считала их фигурами речи, не более. Но сейчас пережила именно такое раздвоение: словно ее сознание вылетело из нее, унеслось, и осталась только оболочка, легкая и пустая, как мешок, из которого вытрясли содержимое. С Олегом Арсеньевичем происходило нечто подобное.

– Еще раз! – попросил он. – Что ты сказал? Повтори.

– Я женюсь, и у меня будет ребенок.

– Этот бред мне снится? – повернулся к жене Олег Арсеньевич.

– Мне тоже? – пробормотала Полина Сергеевна.

– Это не бред, а факт, который вы должны принять, – отчеканил Сеня. – …Или не принять. Но мое решение окончательное.

Полина Сергеевна знала это выражение лица, но прежде видела его только у мужа. Когда Олег смотрел вот так холодно и сердито, когда в его глазах сверкала сталь, губы поджимались, ноздри напрягались – с ним было бесполезно что-либо обсуждать. Уговаривать, доказывать, убеждать – бессмысленно. И слезы не помогали, только вызывали еще большее раздражение. Его нужно было оставить в покое, дать возможность остыть, подумать, дождаться, когда пропадет упрямый настрой любое ее замечание принимать в штыки. Через час, на следующий день, через неделю он сам вернется к проблеме или сможет спокойно выслушать аргументы жены.

Однако сейчас Полина Сергеевна не могла отложить разговор.

– На ком? – спросила она. – На ком ты женишься?

– На Юсе.

Родители опять посмотрели друг на друга: разве может быть, чтобы мальчик вдруг сошел с ума?

– На Юсе, – повторил сын. – Она хорошая, очень хорошая. Вы ее не знаете. Я ее очень люблю, и она беременна, у нее будет… этот… сын… или дочь… То есть у нас…

Олег Арсеньевич быстрее жены пришел в себя.

– Сенька, ты идиот? – спросил он. – Больной? Кретин?

– Я так и знал, так и думал! Не ждите меня, ночевать не приду. – Сенька развернулся, ушел, хлопнув дверью.

Оглушенные Полина Сергеевна и Олег Арсеньевич несколько минут молча смотрели друг на друга. Точно ждали успокаивающего ответа на немой вопрос: «Это мне снится? Этот бред ведь не на самом деле?»

– Ущипни меня, – попросила Полина Сергеевна.

– Да тут хоть исчи… исщипайся, – запутался Олег Арсеньевич. – Он вскочил и лихорадочно зашагал по комнате. – У нас сигареты есть?

– Ты не куришь, – напомнила Полина Сергеевна.

– Тогда водки или коньяка… Где-то была моя старая трубка и табак… – Он открывал шкафы, хлопал дверцами. – Почему у нас в доме никогда ничего нельзя найти? Черт знает что! Когда-нибудь будет порядок или нет? Это все ты! Вырастила маминого сынка! Кудахтала над ним, как курица. Докудахталась!

Полина Сергеевна закрыла лицо руками и заплакала. Олег Арсеньевич искал врага, в которого можно вцепиться, – истинно мужской способ борьбы со стрессом. Но убитая горем Поля не была врагом, и поднимать на нее руку, обвинять – подло.

Олег Арсеньевич опомнился, подсел к жене, крепко обнял ее:

– Прости! Прости меня, сам не знаю, что несу.

Они провели бессонную ночь: то замолкали надолго, то наперебой доказывали друг другу невозможность, абсурдность того, что заявил Сенька.

Разговор с сыном состоялся в пятницу вечером. В субботу утром отец позвонил ему и велел явиться домой для объяснений. Сенька приехал, такой же нахохленный, ощетинившийся – чужой, как и накануне. Выяснилось, что он встречается с Юсей уже три месяца, что «репетиторские» деньги тратил на подарки ей, на походы в рестораны и клубы.

– Это воровство! – сказал Олег Арсеньевич. – Чистой воды обман и воровство! Ты врал нам и крал наши деньги!

– Считайте как хотите, – насупился Сенька.

– А чего ты ждал? – взорвался Олег Арсеньевич. – Что будешь воровать, бражничать, первую попавшуюся подзаборную шлюху приведешь к нам в дом…

– Папа, не смей так говорить про Юсю! – вскочил Сенька.

– Я не смей? Щенок!

Взбешенные, они стояли друг против друга, сжимали кулаки, точно готовы были пустить их в ход.

– Немедленно прекратите! Оба! – воскликнула Полина Сергеевна. – Вы сошли с ума! Сядьте и успокойтесь!

Она воскликнула с нужной интонацией тревоги, страха и негодования, проговорила нужные слова, хотя ее не покидало ощущение раздвоенности. Она как будто пребывала в состоянии клинической смерти, при которой душа вылетает из тела и наблюдает за происходящим со стороны.

– Или ты выбросишь блажь из головы, – ткнул Олег Арсеньевич в сына пальцем, – или убирайся на все четыре стороны! Жених сопливый!

– Я выбираю четыре стороны.

– Пошел вон! – заорал отец.

– Пошел так пошел, – ответил сын.

Когда за Сенькой закрылась дверь, Полина Сергеевна попеняла мужу:

– Так нельзя, Олег!

– А как нужно?

– Не знаю. Но мы не должны выгонять сына, когда ему тяжело…

– Тяжело!!! Ты видела эту физиономию? Ему тяжело? Да он плевал на нас, у него теперь вместо мозгов мошонка работает, член свербит. У всех свербело и свербит, но не каждый позволяет себя использовать, как последнюю тряпку. Он что, один такой весь из себя, у кого женилка выросла? Рохля, тютя, олух, слабак…

Олег Арсеньевич разошелся: клеймил сына, обзывал последними словами, – остановился, только когда увидел, что жене плохо.

– Не в коня корм, – проговорил, сбавляя пыл, Олег Арсеньевич. – Полинька, что с тобой?

Тело-оболочка, оставшееся на земле, оказывается, умело страдать физически. Каждое слово, гневная и жестокая характеристика сына ранила сердце Полины Сергеевны, превращая его в кровавое месиво. «Не в коня корм» – значило для Полины верх жестокости и несправедливости.

Она была лучшей студенткой на курсе, имела полное право продолжить обучение в аспирантуре, защитить кандидатскую диссертацию, сделать научную карьеру. Но на вступительных экзаменах в аспирантуру ее завалили – цинично, подло и оскорбительно. Высвобождали место дочке одного из проректоров.

Научный руководитель, не разобравшись, сказал тогда Полине презрительно: «Не в коня корм!» Потом, правда, узнав интригу, он сменил гнев на милость, устроил Полю в отдел референтуры большой академии, уговаривал поступать в заочную аспирантуру. Но полученная пощечина навсегда отбила у Полины желание заниматься наукой, она вышла замуж, родила Сеньку. Когда слышала «Не в коня корм», внутренне съеживалась, потому что кого-то, возможно совсем невинного, били по самому больному.

– Полинька, родная, тебе плохо? Ты бледная, совсем зеленая. Сердце? Валидол? «Скорую»? – суетился перепуганный Олег Арсеньевич.

– Ничего не нужно. Просто полежу немного тут, на диване. Принеси мне плед и подушку, пожалуйста.

Она пролежала на диване до вечера, то погружаясь в забытье, то возвращаясь в действительность, которая мало отличалась от забытья. Душа вернулась в тело. Почему никто никогда не говорил, что эфемерная душа имеет свинцовую тяжесть?

Олег Арсеньевич сидел рядом, смотрел телевизор. В одно из пробуждений, приоткрыв глаза, Полина Сергеевна увидела, что муж бездумно смотрит на экран, а там «ТВ-Казань», говорят на татарском языке.

Женитьба сына на великовозрастной и малокультурной Юсе была сама по себе унизительна. Люди из круга Полины Сергеевны и Олега Арсеньевича Пановых станут прятать глаза, чтобы скрыть сочувствие. Хороший перспективный мальчик Арсений не справился с юношеским гормональным взрывом, попал в примитивный капкан, на пустой крючок. Как тут не соболезновать? Но воспитанные люди не сочувствуют и не соболезнуют в тупиковых ситуациях, когда свершившееся надо принять и жить с ним дальше. Если после болезни у вас перекосило лицо, возник нервный тик и медицина бессильна, то ваши друзья оставят слова сочувствия за дверью, сделают вид, что болезнь вас не обезобразила, и продолжат общаться с вами, как прежде.

Унижение породниться с семьей Клавы, в которой на свой лад стремились жить «хорошо»: хорошо одеться, хорошо поесть, хорошо выпить, посмотреть по телику хороший сериал – было все-таки не таким мучительным, как сознание

предательства Арсения. Их сын предатель. Он предал свое будущее, а значит, все их усилия, их любовь, чаяния, надежды, веру, их старость. Они держали его на руках, вели за руку, подставляли плечо – дружно шли по дороге к общему будущему. И вдруг Арсений споткнулся – ладно, с кем не бывает. Но он оттолкнул родительские руки, плюнул в прошлое, перечеркнул его как нестоящее. Перечеркнул маму с папой, почти возненавидел. Они видели это в глазах сына – раздражение и почти-ненависть. Подобное не могло им привидеться ни в страшном сне, ни в лихорадочном бреду. Однако случилось и разъедало душу, словно душа имела кровеносные сосуды и туда впрыснули кислоту.

– Надо поужинать? – спросила Полина Сергеевна.

– Да, конечно, – очнулся от раздумий Олег Арсеньевич. – Я приготовлю. Что сделать?

– Я сама, – поднялась Полина Сергеевна.

Она разогрела еду, муж помог накрыть стол в кухне, за который они сели.

– Не могу! – сказала Полина Сергеевна. – Ты ужинай, а я лягу.

Ужин так и остался нетронутым.

В воскресенье утром Олег Арсеньевич позвонил сыну:

– Твоей маме было очень плохо. В твои планы, надеюсь, не входит вогнать ее в гроб? Приезжай!

Природная честность не позволила Полине Сергеевне сыграть на собственном самочувствии – притвориться умирающей, поставить сына перед выбором: или моя жизнь, или твоя женитьба. Хотя Полина Сергеевна понимала, что в подобной ситуации любые спектакли были бы оправданы, лицедействовать не смогла.

– Нам нельзя раскисать, – сказала она мужу перед приходом сына.

– Согласен, – ответил Олег Арсеньевич.

– И горячиться, бить наотмашь.

– Постараюсь.

– Очень постарайся, Олег! Сын наломал дров, так хоть ты не будь дровосеком, не увеличивай завалов, иначе потом не сможем их разобрать.

Когда приехал Сенька, родители пытливо всматривались в его лицо, словно хотели прочитать: они ошиблись в его почти-ненависти, сын, как прежде, их любит, не перечеркнул их. Сенька выглядел взволнованным, но его волнение быстро улеглось.

– Мама, как ты?

– Хорошо. Уже хорошо, спасибо!

Сенька облегченно перевел дух. И на его лице снова появилось выражение готовности к отпору, настороженное ожидание агрессии.

– Нам нужно поговорить. – Полина Сергеевна сдержала вздох разочарования. – Спокойно и без лишних эмоций поговорить.

– Пожалуйста! – пожал плечами сын. – Но я своего решения не изменю.

– Арсений, ты не можешь жениться, тебе только семнадцать лет, – напомнила мама.

– В августе исполнится восемнадцать, тогда и распишемся, а пока будем жить так… но вместе.

– А поступление в университет? Ты собираешься получать высшее образование?

– В общем… – замялся Сенька. – Да, конечно, если получится…

– Не понимаю, – нахмурилась Полина Сергеевна. – Как это «в общем, если получится»?

Олег Арсеньевич хранил молчание. Оно ему давалось тяжко, потому что на каждое заявление сына с губ был готов сорваться саркастический комментарий.

– Я же теперь как бы… должен… семья… ребенок, – не мог внятно выразиться Сенька.

– Он хочет сказать, – пришел на выручку отец, – что у него теперь семья, ребенок будет. Надо зарабатывать, содержать.

– Да, папа! – с вызовом подтвердил сын. – И я…

– И он, – перебил Олег Арсеньевич, – пойдет вагоны разгружать, чтобы обеспечить свою семью.

Полина Сергеевна испугалась, что снова вспыхнет ссора.

– Я вас прошу! Обоих! Убедительно прошу! Не повышать голоса, не нервничать! Без крайних эмоций, пожалуйста! Или я снова свалюсь с сердечным приступом, – добавила она тихо.

Отец и сын какое-то время молчали, давили в себе рвущиеся наружу обидные и хлесткие слова.

А потом сын спросил:

– Помнишь, папа, ты говорил о наших актрисах, которые великолепно сыграли матерей, настоящих русских женщин… и еще эта… которая в «Спокойной ночи, малыши!»?

– Помню, – удивился Олег Арсеньевич, – и что?

– Ты говорил, что все они в личной жизни не состоялись как матери, как жены, типа как идеальные.

– Какого типа? – Олег Арсеньевич не мог понять, куда клонит сын.

Полина Сергеевна помнила ту беседу. Говорили на тему «гений и злодейство» и близкую к ней, про «не создай себе кумира», про то, что реальная жизнь отличается от киношно-книжной, но и должна отличаться, что нельзя требовать от создателя идеала в творчестве идеальности в личной жизни… Ах, какие у них были хорошие, умные беседы! И все в прошлом? Представить себе Юсю, рассуждающую о ролях Сазоновой или Мордюковой! «Так у нее сын был наркоман и скопытился! Жесть!» – заявила бы Юся, наверняка падкая до грязной сенсационности.

– «Типа» – это просто артикль современный, – пояснил Сенька. – Забудь. Если все из себя прекрасные героини в реальной жизни были неудачницами, то почему ты не допускаешь обратной ситуации?

– Какой обратной? – по-прежнему не понимал Олег Арсеньевич. – И при чем тут твоя женитьба на травоядной Юсе?

– А мы, конечно, млекопитающие! – мгновенно вспылил Сенька. – Венец природы! Вы не знаете Юсю, а судите! Она будет прекрасной матерью! Мама, ты сама раньше говорила! Моего ребенка! Подчеркиваю: моего ребенка, вашего внука. Юся будет учиться, она способная, просто ей раньше не везло, – горячо убеждал Сенька. – У меня в планах… но это потом. А главное! Вы мне не доверяете! Почему вы мне не доверяете?! – петушиным фальцетом воскликнул Сенька.

«Потому что ты еще маленький!» – хотелось ответить Полине Сергеевне.

«Потому что ты ведешь себя и говоришь как идиот!» – вертелось на языке Олега Арсеньевича.

Родители промолчали, и ободренный Сенька продолжил, волнуясь, пересыпая слова в предложениях новомодными артиклями «типа» и «как бы». От этого его речь становилась смешной и даже приобретала противоположный смысл. Но этого никто не замечал.

– Меня что больше всего типа обижает? Что вы как бы мне не доверяете! Я типа понимаю, что вы как бы в трансе, но у меня типа своя жизнь… Черт! –

беспомощно скривился Сенька.

– Не волнуйся, сыночек! – попросила мама.

– Говори толком, – призвал отец. – Твои ближайшие планы? Жениться в августе, это мы усвоили. А в ближайшей перспективе?

Сенька был настроен на долгое противостояние и ближайшие планы явно не продумал.

– Ну… это…

– Как бы, типа, – усмехнулся отец.

– Мы придем к вам завтра с Юсей? – предложил Сенька. – Вы ее увидите! Вы все поймете.

– Хорошо! – быстро согласилась Полина Сергеевна, пока у мужа не кончился запас обещанного терпения. – А сейчас ты пойдешь в ванную, помоешься и сменишь одежду. После ужина займешься подготовкой к выпускным экзаменам. Арсений, школьные экзамены никто не отменял! Думаю, Юся поймет и переживет твое отсутствие.

– Зачем ей муж с незаконченным средним образованием? – съязвил отец.

– Олег! – повысила голос Полина Сергеевна.

– Молчу! Иди мыться, жених!

* * *

В понедельник Полина Сергеевна пришла на работу как всегда подтянутой, аккуратно накрашенной. Но Вера Михайловна сразу увидела, что у подруги что-то случилось, что она сохраняет лицо при глубочайших внутренних переживаниях.

В их отделе было три ставки. Коллеги называли референтуру «два плюс один», потому что две ставки последние шестнадцать лет занимали Полина и Вера, они же Полина Сергеевна и Вера Михайловна, а на третью должность присылали, устраивали чьих-нибудь дочек, жен, сестер и прочих персон женского пола с дипломом о высшем образовании и без планов посвятить себя реферированию достижений современной биологии. Временщицы просиживали тут полгода, несколько месяцев, самое большее – два года. Полина Сергеевна и Вера Михайловна между собой называли стол и кресло третьей сотрудницы «свято место». Их, конечно, не могло не уязвлять, что дамочка на «свято месте» получает ту же зарплату, ничего не делая или делая менее десяти процентов от их выработки. Однако академическая среда не терпит меркантильного крохоборства, а в эту среду Вера Михайловна и Полина Сергеевна с их благородной интеллигентностью были впаяны прочно.

Нынче «свято место» занимала Ксюша – племянница, как она называла себя, «дяди депутата». Ксюшу после окончания российского университета не удалось сразу втолкнуть в заграничный колледж, она ждала, когда дядя выполнит свой родственный долг. «В Кембридж или в Оксфорд – мне по барабану», – говорила Ксюша. В отличие от заносчивых и откровенно неприятных персонажей, которых Вера и Полина перевидали в изобилии, Ксюша, со всеми скидками, была милой девушкой. Безалаберной, азартной (большую часть рабочего времени резалась в компьютерные игры), безапелляционной, скорой на выводы, фонтанирующей абсурдными идеями, наивной, но считающей себя страшно умной и опытной. Однако в ней не было гнильцы подлости, интриганства, тяги к стравливаниям и провокациям – этого добра Вера и Полина насмотрелись вдоволь.

В здании шел ремонт, Вере Михайловне и Полине Сергеевне некуда было удалиться, чтобы поговорить наедине.

– Ксения Эдуардовна! – подошла к столу молодой сотрудницы Вера Михайловна и положила стопку журналов (к святоместным всегда обращались по имени-отчеству, обозначали дистанцию). – Здесь несколько статей по радиохромному составу раковин моллюсков. Будьте добры, основываясь на уже полученных результатах наших ученых, подготовить для них данные зарубежных коллег.

– Я? Моллюсков? – оторопела Ксюша.

– Вы. Моллюсков, – подтвердила Вера Михайловна.

Полина Сергеевна спрятала улыбку. То, что предлагала подруга, было абсурдно – и по формулировке, и по невозможности исполнения.

Верочка – уникальная женщина, сверхъестественно прекрасный человек, второй такой не существует – чуткая, тонкая, нежная подруга. И то, что ее личная жизнь в корне отличалась от жизни Полины Сергеевны, не мешало им, напротив, добавляло в отношения оттенки другой палитры. Хотя жизненный старт у Веры и Поли был одинаков – обе (в разных вузах) провалились в аспирантуру. Научный руководитель Веры стал ее избранником, первым мужчиной, первой и единственной любовью. Фанатик и раскольник от науки, накануне защиты своей диссертации (и Вериного поступления в аспирантуру) он вдруг все бросил, занялся математической физикой и два года корпел над премудростями, в которых разбирались считанные люди на Земле. В это время его семья: жена и дочери-близнецы – влачили полунищенское существование. Вера, объективно говоря, любовница, которую научный руководитель (старый профессор) научного руководителя (любовника) пристроил в референтуру, отстегивала от своей крохотной зарплаты близняшкам на колготки. Потом избранник все-таки защитился. Это был фурор! Новое направление в биологии, стык наук! Материально стало легче. Фактически, с точки зрения теоретической биологии, – ситуативный тупик. Чтобы понять ход мысли, необходимость исследований, экспериментов Вериного избранника, нужно было пройти его путь, освоить досконально две науки, не стоявшие на месте. Такие люди, по пальцам пересчитать, на планете были, но у них не имелось денег и рекламой они не владели. Дальнейшая жизнь Игоря Петровича, Вериного избранника, гения без преувеличений, напоминала ковыряние гвоздем в стене, в то время как он мечтал пробить туннель в толще гранита. Случались удачи – выигрывал грант, создавал лабораторию, подбрасывал деньги экзальтированный олигарх, приглашали читать хорошо оплачиваемые лекции в европах и америках. Но все это были муравьиные шаги. Как в детской игре. Сколько до цели: три гигантских или десять муравьиных? Ему доставались только муравьиные. Близняшки росли. Вера и жена ученого старели. Поразительно, но жена о существовании Веры не подозревала. Жена часто пребывала в депрессии. Вере было проще, меньше нагрузка. Вера держалась: подбадривала, вселяла, призывала, восхищалась, говорила о мировой роли. Правильно говорила, но у Игоря Петровича случилось два инфаркта, высокое артериальное давление плохо поддавалось лекарствам.

Свободное время, которого от прихода до ухода Игоря Петровича имелось в избытке, Вера тратила на чтение. Она была энциклопедически образованна.

Если Вера не знала ответа на вопрос Поли или других коллег, то на следующий день, подковавшись, она могла рассказать историю предмета в деталях. Собственными идеями, мыслями Вера не могла похвастаться. Да и куда им было втиснуться, когда мозговое пространство плотно утрамбовано гениальными достижениями прошлого.

– Полинька, что у тебя случилось? – спросила Вера Михайловна. – Олег? У него давление? Подозрение на инфаркт?

Недуги Игоря Петровича ей казались самыми опасными.

– Олег здоров. Это Сенька… Он женится.

– Что, прости, делает?

– Женится. На Юсе, которая на двенадцать лет старше. Она катала его в колясочке…

Полина Сергеевна поведала о случившемся, невзирая на присутствие Ксюши, которая журналов не листала и никаких «радиохромных» моллюсков не выискивала, а откровенно слушала разговор двух женщин. Полине Сергеевне нужно было выговориться, поделиться с Верочкой, разделить боль с преданной подругой.

И ее боль, скрытая в сухом пересказе фактов, отражалась на лице Верочки в гамме чувств – от ошарашенного удивления до сострадательного ужаса.

– У нас есть сигареты? – спросила Вера Михайловна, когда Полина Сергеевна замолчала.

– Ты же не куришь. Вот и Олег начал искать трубку и табак, которые сто лет назад выкинули.

– Тогда коньяка или водки.

– Поразительно сходные реакции, – слабо улыбнулась Полина Сергеевна.

– Сбегать? – вскочила из-за стола Ксюша.

Вера Михайловна и Полина Сергеевна посмотрели на нее с недоумением, точно забыли о «свято месте».

– Ксения Эдуардовна, сбегайте! Желательно на два часа, – велела Вера Михайловна.

– Водка или коньяк? – уточнила девушка.

– Кому?

– Вам.

– Нам? – поразилась Вера Михайловна. – Мы не пьем. А вы…

– Я – могила, меня нет, – подняла руки вверх Ксюша и тут же плюхнулась на стул, сделала вид, что изучает журналы.

Вера Михайловна принялась переставлять предметы на своем столе, где бумаги и канцелярские принадлежности находились в безукоризненном порядке.

– Полинька! – наконец собралась с духом она и перестала терзать карандаши в стакане. – Ничего трагического не произошло! Все живы и здоровы.

– Конечно, слава богу!

– Так случилось, и мы вынуждены принять в открывшихся обстоятельствах новый порядок поступивших данных. Кажется, я выражаюсь как заправский бюрократ.

– Точно! – подтвердила Ксюша.

– Еще одна реплика, – пригрозила девушке Вера Михайловна, – и вы пойдете в библиотеку собирать данные о моллюсках за последние сто лет.

– Молчу!

Вера Михайловна заговорила о том, что связь юноши и зрелой женщины описана в некоторых художественных произведениях, что юноша на всю жизнь сохраняет добрые воспоминания о той, которая ввела его в мир чувственных отношений. Да и браки, в которых жена намного старше мужа, не столь уж редки. Муж Агаты Кристи был младше ее на пятнадцать лет, муж Эдит Пиаф – почти на тридцать. У Ирины Архиповой и Владислава Пьявко разница в возрасте составляла шестнадцать лет…

– Нет, я фигею! – подпрыгнула на стуле Ксюша. – Вы же умные женщины! Вера Михайловна, у вас крыша в облаках, а жизненный опыт, извините, ниже плинтуса. А между ними – одни теории.

Полина Сергеевна и Вера Михайловна с удивлением смотрели на девушку, которая возбужденно размахивала руками и шумно возмущалась:

– Эдит Пиаф, Архипова – певицы, верно? Вы еще Аллу Пугачеву вспомните! Может, им для голоса молодая кровь нужна. Полина Сергеевна, что, эта ваша Дуся – народное сопрано?

– Нет, – улыбнулась Полина Сергеевна. – Юся не поет на сцене.

– Она его в колясочке катала! – продолжала бушевать Ксюша. – Я балдею! Катала-катала и прикатила к загсу. Пустышку вынула и повела мальца расписываться. А вы сидите тут и Агату Кристи вспоминаете! Вот уж, действительно, интеллигентность хуже уродства. Чего вы такие беспомощные? Мои родители, не говоря о дядюшке, в два щелчка разрулили бы ситуацию.

– Каким образом? – полюбопытствовала Вера Михайловна.

– Элементарно! Дали бы денег.

– Кому? – хором спросили Полина Сергеевна и Вера Михайловна.

– Папе Римскому! Да этой проходимке Юсе-Дусе! Суньте ей в лапу, много суньте – отпадет пиявка, уверяю! Вам денег, что ли, жалко?

– Мне не жалко никаких денег, – покачала головой Полина Сергеевна, – я отдала бы все до копейки и в любые долги влезла. Только, Ксюшенька, простите, Ксения Эдуардовна, дело ведь не только в Юсе, проблема и с моим сыном. Арсений упрям, он хочет доказать всем, а, возможно, прежде всего самому себе, что имеет право поступать как взрослый ответственный человек. Это гордыня, конечно.

– Я валяюсь! – снова всплеснула руками девушка. – Гордыня! Слово-то какое допотопное. И сами вы… ну, жуть какие несовременные. Доказать! Чего доказать? Вы что, не видели парней, когда они на секс заточились? – Ксюша скептически посмотрела на старших коллег и резюмировала: – Давно не видели. Я вам напомню. Когда у мужика говорит… это… назовем его плоть, мозг отключается. Мозг у него выносит!

– Куда выносит? Кто выносит? – не поняла Вера Михайловна.

– Неважно! Далеко и прочно. Мозг отключает способность логично мыслить путем гормонов.

– «Путем гормонов» – это весьма образно, – усмехнулась Полина Сергеевна.

– Не придирайтесь к словам! – продолжала Ксюша. – Ваш Арсений что, хочет жениться, с пеленками возиться? Он хочет трахаться! Законно и много.

– Ксюша! – поморщилась Полина Сергеевна. – Подбирайте выражения, пожалуйста!

– А что я сказала? – пожала плечами девушка. – Так все говорят. Вы знаете другой приличный глагол, который обозначает этот самый процесс?

– Я недавно перечитывала Чехова, – вступила в разговор Вера Михайловна, – и встретила у него выражение «трахнул за воротник».

– Куда-куда? – вытаращила глаза Ксюша.

– Имелось в виду «заложил за воротник», то есть выпил спиртное.

– А-а-а! – задрала брови Ксюша. – Ладно, если вам «заложил» нравится больше, чем «трахнул», то пожалуйста! Вашему сыну, Полина Сергеевна, хочется закладывать постоянно и как можно чаще. Это же коню понятно! Почему вам не понятно? – горячилась девушка.

Она еще некоторое время доказывала, что если Юсю подкупить, вынудить оставить Сеньку, то ситуация разрешится самым отличным образом.

– Спасибо, – прервала девушку Полина Сергеевна, – я тронута вашим участием. А теперь давайте вернемся к работе.

Но вариант, предложенный Ксюшей, не выходил у Полины Сергеевны из головы и уже не казался неэтичным или аморальным. Какая уж тут этика, когда у сына жизнь рушится!

Полина Сергеевна позвонила мужу и попросила подумать над финансовым решением проблемы.

– Я понял, – ответил Олег Арсеньевич. – Вполне здраво. Извини, сейчас не могу говорить, у меня люди.

Олег Арсеньевич не переставал думать о путях выхода из тупика, в котором его семья оказалась по милости сына. И у Олега Арсеньевича были свои варианты.

Они пришли втроем – Сенька, Юся и ее мать Клавдия. Юся выглядела лучше, чем ожидала Полина Сергеевна. Полная, но не безобразно, прическа аккуратная и стильная, макияж спокойный, не вызывающий. Полина Сергеевна тут же мысленно приписала эти положительные штрихи влиянию своего сына. А вот Клаву разнесло еще больше. Она напоминала бочку, на которой вверх дном стоит мятое ведро. Все трое нервничали, волновались. Сенька смотрел со щенячьей смелостью-страхом: в ожидании агрессии и с готовностью броситься защищать, с надеждой на то, что агрессии не случится и он сможет весело скакать, получив заветную косточку. Мама и дочка относились к тем людям, которые чем больше волнуются, тем нахальнее и бесцеремоннее становятся. У мамы градус нахальства был значительно выше, чем у дочери.

– Поля, Олежка! Сколько лет, сколько зим! – хотела с ходу взять свойский тон Клава.

Но Олег Арсеньевич не желал панибратства и решил сразу выставить барьеры.

– Клавдия… как по батюшке? Ивановна? А я Олег Арсеньевич, мою жену зовут Полина Сергеевна.

Сенька мгновенно ощетинился. Но отец говорил спокойно, даже слегка улыбался, и сын расслабился.

– Ты прекрасно выглядишь, Юся, – похвалила Полина Сергеевна, однако не сделала попытки обнять и поцеловать, хотя бы формально приложиться к щечке. – Давайте выпьем чаю, проходите, пожалуйста.

Клавдия Ивановна, минуя гостиную, где был накрыт стол, шмыгнула изучать квартиру. Полине Сергеевне ничего не оставалось, как последовать за ней.

– У вас трехкомнатная? Шикарно. А кухня сколько метров? И лоджии большие. Чего там у тебя?

– Зимний сад.

– Ага, ты всегда любила в земле ковыряться. У меня однушка в Печатниках, кухня с гулькин нос и ванна с тубзиком совмещенные. Слышь, Поль, а Олежка сильно злой, да? Олег Арсеньевич, Клавдия Ивановна, – передразнила она официальную манеру, – как будто мы не знакомые тысячу лет.

Она хотела не только проинспектировать квартиру, но и провести разведку, уединившись с Полиной Сергеевной. Впрочем, ответов не ждала, сама отвечала на свои вопросы.

– Конечно, ему не нравится, что Сенька на взрослой женится. А мне что, нравится, что Юська с малолеткой связалась? Еще и забрюхатела, дура. Хотя, с другой стороны, ей рожать давно пора, не в сорок же лет.

«Предложить ей денег? Прямо сейчас, пока мы одни…» – терзалась Полина Сергеевна, сердце ее глухо и быстро стучало. Не успела подобрать слов, как раздался голос Олега Арсеньевича, приглашавшего их за стол.

Вместо дежурной прелюдии, безобидного разговора о даче, общих знакомых, погоде или новостях последних дней, все слушали Клавдию Ивановну, которая вещала о распрях с братом, его женой и прочими родственниками. Война у них, как поняла Полина Сергеевна, так и не прекращалась.

– Все это очень интересно, – не выдержал Олег Арсеньевич, – но давайте обсудим то, ради чего здесь собрались. Мы тебя слушаем, Арсений!

– Меня? – растерялся сын. – Но я уже все сказал. Мы с Юсей поженимся.

Он взял девушку за руку и посмотрел на нее с такой пронзительной любовью, что Полина Сергеевна едва сдержала горестный вздох, а Олег Арсеньевич скрипнул зубами.

– Юся? – спросил он.

– Ага! – улыбнулась Юся.

– Коротко и… не ясно. Где и на что вы собираетесь жить?

– Я пойду работать, мы снимем комнату, – с вызовом ответил сын.

Полина Сергеевна видела, что муж закипает, сын в ответ выставляет шипы. Допустить ссоры было нельзя.

– Если ты пойдешь работать, то осенью тебя призовут в армию, – напомнила Полина Сергеевна. – И Юся останется одна. Если же ты поступишь в вуз, то тебе предоставят отсрочку.

– Я не поняла, – встряла Клавдия Ивановна. – Вы типа их не берете? Так у меня тоже, извините-подвиньтесь, площади лишней нету.

– Вас я попрошу молчать! – грозно сказал Олег Арсеньевич. – И открывать рот, когда будет предоставлено слово!

Стало понятно, каким непреклонным и властным Олег Арсеньевич бывает на рабочих совещаниях. Клавдия Ивановна испуганно заткнулась.

– Сынок! – продолжила Полина Сергеевна. – Мы больше всего опасаемся, что ты завалишь школьные экзамены, не станешь поступать, исковеркаешь свою жизнь в самом начале.

Она говорила с болью и тревогой. Сын откликнулся на эту боль:

– Мама, я хочу поступать, очень хочу, я же все понимаю! Но для этого… для этого…

– Мы должны вас с Юсей здесь поселить и содержать, – подсказал отец.

– Я ни о чем не прошу, папа!

– Очень хорошо, это по-мужски, сынок!

Было неясно, насмешничает Олег Арсеньевич или действительно хвалит. Но последовавшие за этим слова были абсолютны серьезны.

– Позвольте предложить вам другой вариант развития событий. Без свадьбы и загса. Стоп, Арсений! Не возражай, сначала дослушай. Ребенка ты признаешь, в свидетельстве о рождении прочерка не будет. Мы с мамой будем выплачивать щедрые алименты, пока ты не станешь на ноги и не сможешь сам этого делать. Всё возвращается на прежние позиции: ты живешь дома, готовишься к экзаменам, Юся – по месту своей прописки.

«Господи, ребенок! – похолодела Полина Сергеевна. – Я совсем забыла о ребенке! Эта румяная молодая женщина носит под сердцем нашего внука или внучку. И этот ребенок никому не нужен! Ни мне, ни Олегу, ни Сеньке, ни вульгарной Клаве, а Юся оставила ребенка, потому что, как выразилась ее мамаша, „рожать давно пора“. Он уже существует, растет, а его никто не любит, всем он только в тягость, для всех он помеха, проблема!»

Полина Сергеевна, отвлекшись, пропустила что-то в разговоре, атмосфера явно накалилась.

– Вы же понимаете, – обратился к Клавдии Ивановне Олег Арсеньевич, – что этот брак – пустышка, что он не продлится больше года, двух или трех лет. И ты, Юся, если не глупая девушка, должна давать себе отчет: Сенька рано или поздно бросит тебя.

– Я никогда ее не брошу! – зло, с ненавистью, сквозь сжатые губы проговорил сын.

– А вы Юську у себя пропишете? – спросила Клавдия Ивановна.

– Нет! – жестко отрезал Олег Арсеньевич. – Мы никогда ее здесь не пропишем, и не надейтесь. Но мы можем поступить по-другому. Мы купим вам квартиру. При условии, конечно, что никакой свадьбы не будет.

«Это огромные деньги! – мысленно ужаснулась Полина Сергеевна. – Где мы их возьмем? Неважно, найдем, только бы они согласились».

– Это подло, папа! – воскликнул сын.

«Ничего подлого», – было написано на лице Клавдии Ивановны, в глазах которой вспыхнул алчный огонек.

– Если ты посмеешь… – Сенька задрожал от негодования. – Если ты еще раз… Вы никогда меня не увидите! – сорвался он на фальцет.

«Олег все испортил, – подумала Полина Сергеевна. – Нужно было без Сеньки подкупать мать и дочь. Ксюша сказала бы, что мы лопухнулись. Теперь обратного пути нет. Сенька нас не простит, если примемся устраивать дела за его спиной».

– Давайте прекратим этот базар! – повысила голос Полина Сергеевна. – Арсений, хватит выдвигать ультиматумы! Ты общаешься со своими родителями, а не торгуешься на рынке!

– Кто тут торгуется, еще вопрос, – буркнул сын.

– Вы поженитесь, Юся переедет к нам, – продолжала Полина Сергеевна, – но только при одном безоговорочном условии – Арсений поступает в вуз. В противном случае забудьте про все финансовые предложения Олега Арсеньевича. В отношении алиментов, – уточнила Полина Сергеевна, чтобы им не вздумалось мечтать о новой квартире. – Если ты, сын, считаешь возможным и допустимым растоптать наши надежды, мы с папой бессильны тебя остановить. Иди работать, снимай квартиру, служи в армии – вольному воля.

Никогда прежде Полина Сергеевна не позволяла себе прилюдно заткнуть мужа и сказать, мол, будет так, как я говорю. Но никогда прежде и не возникало подобной чудовищной ситуации.

– Пожалуйста, не забывайте о ребенке, – попросила она. – Мы все тут взрослые, состоявшиеся или почти состоявшиеся, – усмехнулась Полина Сергеевна, – люди. А есть еще маленькое и очень беспомощное создание. Живое. Наша общая кровь.

Сенька благополучно сдал выпускные и вступительные экзамены. Правда, поступил не в МГУ, а в академию при правительстве Москвы. Благодаря папе.

Скромной свадьбы, как планировали, не получилось. Нагрянули сватья-братья Клавдии, устроили шумное застолье. Полина Сергеевна с трудом увела взбешенного мужа из дома, они долго гуляли по улицам, пока в их квартире бесчинствовали пьяные новоявленные родственники. Вернувшись, они обнаружили трех спящих в алкогольном забытьи мужиков, причем одного в обнимку с унитазом, и чудовищный разгром, который Полина Сергеевна ликвидировала несколько дней.

Молодые жили на даче. Впервые за много лет Полина Сергеевна и Олег Арсеньевич в выходные дни летом не стремились на дачу. Гуляли в парках, ездили по Подмосковью, ходили в театры, в кино, музеи.

– Чтобы повысить культурный уровень, – шутила Полина Сергеевна, – нужно было женить сына.

– На безработной клуше, – добавлял Олег Арсеньевич.

Выяснилось, что Юся давно нигде не работает. Когда Полина Сергеевна заикнулась о том, что хорошо бы ее куда-нибудь пристроить, чтобы хоть декретные деньги получить, Олег Арсеньевич решительно воспротивился. Хватит того, что сына пристроил. Так у них на шее оказалось двое великовозрастных детей, да и подготовка к рождению младенца основательно подорвала семейный бюджет.

Однако не материальные проблемы стали причиной того, что Пановы отменили ежегодное празднование дня рождения Олега Арсеньевича двадцать восьмого августа. Много лет подряд к этому дню на дачу съезжались их друзья, которые планировали свои отпуска так, чтобы в конце августа обязательно оказаться у Пановых. В романах Толстого и Тургенева про дворянские семьи говорится: «Они принимали по средам» (или по понедельникам, пятницам…). Те обычаи давно канули в лету, Пановы принимали раз в год, но на широкую ногу – с ночевкой гостей, которых садилось за стол до двадцати с лишним человек. Собирались старые друзья – «отсепарированный временем костяк», как говорил Олег Арсеньевич. Среди них были дворовые, школьные, институтские приятели, бывшие и настоящие коллеги по работе Олега Арсеньевича и Полины Сергеевны. Новички – интересные люди, с которыми познакомились в течение года или на отдыхе в санатории, тоже приглашались. Одни задерживались, то есть приглашались на следующий год, другие не выдерживали проверки на оригинальность, душевность, стойкость в приеме алкоголя или отказе от него, или не проходили теста на дурашливую коммуникабельность. Этот тест провалил Верочкин Игорь Петрович. Он, без сомнения, был заоблачно умным, но не умел спускаться со своих научных небес. А к Пановым приезжали не для того, чтобы блистать интеллектом, хотя и споры на серьезные темы велись частенько. Однако главным было вырваться из обыденности, расслабиться, отодвинуть в сторону ежедневные заботы, вернуться в детство. Поэтому по негласному договору собственных детей с собой не брали, но если уж совсем некуда было пристроить отпрысков, то Сенька оставался на даче, и ему в обязанность вменялось приглядывать за детьми, чтобы те не докучали взрослым. «Это взрослый праздник, он бывает раз в год, все остальное время мы посвящаем вам, поэтому будьте любезны не надоедайте нам, играйте самостоятельно».

По фотографиям, которых накопилось множество, можно было проследить, как они старели: пятнадцать лет назад женщины были стройны и молоды, а у

мужчин отсутствовали лысины и выпирающие животики. Постепенно юная красота женщин становилось зрелой, а мужчины матерели. С августовскими встречами было связано множество веселых историй, и их не уставали вспоминать.

Однажды Олегу Арсеньевичу решили подарить телевизор. Но предварительно телевизор разобрали на отдельные блоки – каждая пара приезжала со своей частью, преподносила Олегу Арсеньевичу нечто в подарочной упаковке и требовала определить назначение предмета. Он догадался, только когда ему вручили экран. Потом мужчины два дня собирали телевизор, у них то не хватало деталей, то оказывались лишние. Они с азартом, точно мальчишки, получившие новый конструктор, разбирали и собирали телевизор, который отказывался работать, что-то паяли и распаивали, спорили до крика. Женщины посматривали на них снисходительно, вели свои неспешные беседы и впервые сами жарили шашлык. Он удался на славу. Мужчины скептически морщили носы – дамский шашлык! – но уплетали за обе щеки.

Телевизионный мастер, спустя несколько дней приглашенный Полиной Сергеевной настроить телевизор, сказал, что такого еще не видел.

– Мальчишки раскурочили? – спросил он.

– Как вы догадались?

– Взрослые, даже если он полные козлы, не станут ломать телик, который на гарантии.

К августовским встречам готовились заранее. Как-то друзья сочинили пьесу и расписали роли в спектакле «Как он зрел» – про жизненный путь Олега Арсеньевича, репетиции проходили за баней. Актерствовать им так понравилось, что на следующий год состоялась премьера драмы «Как он ее завоевал» – про женитьбу Олега Арсеньевича и Полины Сергеевны. Поскольку актеров было много, а соответствия реальным событиям не требовалось, то женщины изображали поклонниц Олега Арсеньевича, а мужчины – поклонников Полины Сергеевны. Задача Пановых заключалась в том, чтобы, отказав всем воздыхателям (экспромтом, без готового текста!), воссоединиться в финале.

Она сидела в кресле, обмахивалась побитым молью, но настоящим, из страусиных перьев, бабушкиным веером, на голове красовалась корона, вырезанная из старой кастрюли.

– Увы, принц! – говорила кокетливо каждому «претенденту» Полина Сергеевна. – Вы герой не моего романа.

Олегу Арсеньевичу пришлось труднее. Он совершенно измучился, подбирая дамам комплименты, плавно перетекающие в деликатные формы отказа. И последней, Верочке, выпалил:

– Вы прекрасны, спору нет! Но я вам не подхожу, потому что не отличаю бациллы от бактерии, а Шопенгауэра от Шварценеггера. Полинька, женись на мне немедленно или в крайнем случае выходи замуж!

С годами программа развлечений укорачивалась и становилась менее активной. Но сюрприз имелся всегда – стенгазета «О Пановых начистоту» или видеофильм «Почему их разыскивает милиция», вариант телевизионной программы «Верите ли вы, что…» со смешными, каверзными и провокационными вопросами о семье Пановых. Пародии на телевизионные передачи устраивали довольно часто, хотя при этом все заявляли, что ящик презирают и не смотрят.

Подготовка к августовскому приему отнимала у Полины Сергеевны много времени и сил. Но это были приятные хлопоты, которые с лихвой окупались радостью общения с приятными людьми. Они виделись и в течение года, отмечали вместе дни рождения и календарные праздники. Но именно два-три дня в августе, по общему мнению, снимали эмоциональное напряжение и давали заряд бодрости надолго, до будущей встречи.

Дополнительные постройки на дачном участке велись специально для удобства этих встреч. Вначале сделали большой навес – крышу на столбах, чтобы укрыться от дождя. На следующий год затянули стены сеткой, и Полина Сергеевна пустила по ней вьющиеся растения. Потом настелили пол, пристроили печь с мангалом, подвели воду и электричество. Каждый год что-нибудь строили, и в итоге получился гибрид беседки, летней кухни и огромной столовой. К концу августа в теплице и на грядках созревали овощи, из ягод были сварены варенья и компоты, настаивался ядреный квас.

– Все свое! – каждый год, обводя рукой стол, хвастался Олег Арсеньевич. – Помидоры свои, огурцы и прочие баклажаны…

– Рыба красная и прочая белуга своя, – традиционно подхватывал кто-нибудь. – Мясо и прочие колбасы свои…

Ко дню рождения Олега Арсеньевича распускались его любимые гладиолусы. Срезанные, они в больших вазонах стояли в разных уголках участка и почему-то напоминали Полине Сергеевне древнее оружие, вроде пик или сабель, которое сложили, когда наступил мир, и это оружие зацвело. Сама она любила астры и выращивала элитные сорта потрясающих расцветок и форм соцветий. Букеты астр в пузатых вазах украшали дом и беседку. По стенам беседки вились плетистые розы и клематисы. Вечером сладко и тонко, медом и скошенной травой, пахли фиалки и лобулярия. Когда зажигались фонарики по периметру участка, возникало ощущение, что находишься в благоухающих декорациях балетного спектакля и сейчас на сцену выпорхнут эльфы. Игры, розыгрыши, вкусный обед были позади, как и безудержный смех, не прекращавшийся несколько часов. И велись беседы то общие, то по группкам, то раздельные – мужчин и женщин. Минуты и часы благостного спокойствия, особенно приятные от сознания того, что завтра ты никуда не должен идти, тебе не нужно спешить на работу, о ком-то беспокоиться, заботиться. Тебя разбудит не будильник, а пение птиц, и завтракать ты будешь не на ходу, а долго и неспешно, под бульканье самовара, с разговорами-воспоминаниями.

* * *

В начале дачного сезона Полина Сергеевна, как обычно, включилась в полевые работы. Она очень любила землю, ее запах – весной прелый с остатками морозца, летом сухой, с нотками пыли. Иногда сбрасывала перчатки и погружала руки в землю – бог с ним, с маникюром, потом отмоет, зато как приятно чувствовать пальцами земную плоть, которая совершит чудо – из сухого крохотного семечка родит корнеплод, овощ или цветок. Полина Сергеевна могла целый день провести на грядках: уже спина ноет, перед глазами круги, надо прекращать, а расставаться с землей не хочется. Завтра будет то же самое, хватит, коленки трясутся от усталости. Еще чуть-чуть, еще десять минут!

Сын и муж не разделяли ее страсти «ковыряться в земле». Копать канаву или ямы под деревья – это пожалуйста. А тщательно перекапывать вилами грядки,

удаляя корни сорняков, равномерно и аккуратно сыпать в бороздки семена, не заглубив, но и не смыв водой из лейки, – скучно. Но всегда находилась мужская работа – они пилили, строгали, ремонтировали, строили. Поглядывали на Полину Сергеевну, скоро ли отбой. «Да, да, сейчас, только еще одна грядочка и пойду готовить ужинать», – откликалась она на призывы заканчивать. Отец и сын откладывали инструменты и шли на кухню готовить: варили макароны, крупы или картофель с тушенкой и луком – это называлось «меню весеннее тушеночное».

В тот год, когда на даче поселилась беременная Юся, возделывание грядок и цветников Полине Сергеевне, соскучившейся за зиму по земле, почему-то радости не доставляло. Она знала о физиологическом механизме наслаждения от физической активности: в моменты мышечного напряжения в организме вырабатываются гормоны удовольствия. Природа так задумала, чтобы человек не умер с голоду и сумел убежать от хищников. Но теперь любимый труд никакого гормонального всплеска не вызывал. «Куда подевались мои эндорфинчики?» – спрашивала себя Полина Сергеевна. У Олега Арсеньевича тоже все валилось из рук и отсутствовало желание мастерить и строить. Сенька не отходил от жены, они все время уединялись, сидели в своей комнате, хихикали, возились, таскали туда еду. Родители им мешали, а они мешали родителям, которые не привыкли жить без сына и одновременно рядом с ним отпочковавшимся, не проявлявшим желания вписать жену в их маленький коллектив, объяснить ей правила и обычаи семьи. Юся владела Сенькой целиком и полностью, накрыла его свинцовым колпаком – не проберешься.

– Она его обесточила, – говорила Полина Сергеевна мужу. – Сенька похож на электростанцию, у которой отрезаны провода.

– Все мы… в свое время, – отвечал Олег Арсеньевич, – без связи с внешним миром… Надо подождать, время покажет.

Это был редкий случай, когда он защищал и оправдывал сына. Обычно отец нападал на него, а мама закрывала грудью.

Полина Сергеевна и Олег Арсеньевич перестали ездить на дачу, отменили августовскую встречу. Хотели выдумать предлог, а потом решили не врать друзьям – извините, не получится, и точка. Все знали о неравном браке Арсения,

но никто не выпытывал подробностей. Захотят Пановы – расскажут, нужна им будет жилетка, чтобы поплакаться, – вот вам десяток жилеток. Хотя смачивание жилеток слезами бесполезных стенаний у их друзей не было принято. Если просили о помощи, то конкретной, никто никого досужими исповедями и внутрисемейными проблемами не мучил. Для Полины Сергеевны исключение составляла только Верочка, от которой не было секретов.

В конце августа они на неделю съездили в Болгарию. День рождения Олега Арсеньевича отмечали вдвоем в ресторане. Старались шутить, что, мол, у них начался новый этап в жизни. Шутки не веселили, а новый этап не представлялся счастливым.

В сентябре, когда молодые перебрались в Москву и сын начал учебу, жили на даче. Полина Сергеевна приводила в порядок заросшие бурьяном цветники и грядки, Олег Арсеньевич косил газон, который правильнее было назвать лугом разнотравья.

– Чем он тут занимался все лето? – злился на сына отец.

– Он закладывал, – усмехалась Полина Сергеевна.

– Кого закладывал? Куда? – не понял Олег Арсеньевич.

– Ой, не могу! Какая пошлая двусмысленность! – закрывала лицо перепачканными в земле руками Полина Сергеевна.

Она рассказала мужу о поиске глагола, обозначающего половой акт, и о Ксюше, которая взяла «закладывание» на вооружение и в ответ на замечание напоминала: «Вы же сами это с Чеховым предложили!»

Пылкая влюбленность в Юсю и женитьба отдалили Сеньку от родителей. Да они и сами старались не вмешиваться в дела молодой семьи. Сын оставался ребенком, но формально был уже не мальчиком, а мужем – со всеми обязанностями и ответственностью, которые предполагает этот статус. Материальная помощь ему, конечно, требовалась, и в ней не отказывали. Но нянчиться с двумя детками, играющими в мужа и жену, никто не собирался.

Отдаление сына, которого, как неокрепшее растение, вырвали из родной почвы, неожиданно благоприятно повлияло на отношения Полины Сергеевны и Олега Арсеньевича. Они теперь все свободное время проводили вместе и убедились в том, как дороги друг другу, близки и по-своему счастливы. Оказывается, они не заскучали за долгие годы брака, не переговорили всего, не насмеялись, не нашутились и даже – не нацеловались. К ним пришло сознание того, что они – единственные друг для друга и такое единство надо беречь и лелеять. Это было заметно и со стороны: знакомые и друзья отметили, что Полина Сергеевна смотрит на мужа с особой теплотой, а он предупредителен, как влюбленный юноша. Раньше их семья состояла из трех слагаемых: один плюс один плюс один равно три. Теперь остались два слагаемых, и в результате получалось два. Тоже весомо и надежно. Ведь бывает, что из семьи вынут детей-слагаемых и после знака равенства оказывается ноль.

В совместном житье, которое началось в московской квартире в октябре, родители, как договорились, старались не воспитывать Сеньку. То есть не тыкать его носом в разбросанное белье, не напоминать о не почищенных ботинках, не проверять выполнение домашнего задания, не контролировать досуг. Пусть учится жить сам, коль сам с усам. До конца выдержать тактику, правда, не получалось, но ведь и в политике, говорил Олег Арсеньевич, бывает важнее что-то заявить, декларировать, чем потом исполнять и выполнять. Психологически сложнее всех пришлось ему самому, потому что Олег Арсеньевич на дух не переносил Юсю и особенно ее мамашу Клавдию Ивановну.

* * *

– Его неприязнь, – делилась с подругой Полина Сергеевна, – только крепнет. Олег испытывает к ним отвращение, близкое к физическому. Называет Клавдию Ивановну, за глаза, конечно, бочкой жира с вкраплением куриных мозгов. Говорит, что они подлые бабы: младшая запросто украдет пятаки с глаз покойника, а старшая еще и золотые коронки выдерет. Я постоянно призываю Олега не накручивать себя, не распаляться. С другой стороны, его неприязнь лишает меня возможности пожаловаться на Юсю или на Клавдию, потому что если еще и я плесну керосинчика, то мы просто сгорим в огне бытовой ненависти. Они же, представь, Верочка, его боятся! Стоит Олегу прийти домой, Юся, которая только и делает, что смотрит телевизор, выключает ящик и шмыгает в свою комнату. Клавдия, до этого изводившая меня рассказами о

своих склоках, затыкается и поедает глазами начальство.

– В них присутствует что-то собачье, – заключила Вера Михайловна.

– Почему? – удивилась Полина Сергеевна.

– У меня есть двоюродная сестра, которая одна воспитывает сына. Мальчик давно просил собачку. И тут они на улице находят щенка – черненького, хорошенького, похожего на овечку. Решили взять, пригреть, воспитать. Назвали Мурзиком. Из щенка, безусловно метиса, выросла громадная псина с большой долей крови очень серьезной служебной породы «русский черный терьер». Мурзик размерами с крупного теленка, покрыт шерстью, напоминающей каракуль. Абсолютно неуправляемый, зловредный тип, он в доме главный, он диктует, приказывает, распоряжается. А если кто-то не слушается, то Мурзик может устроить дикий бедлам. Знаешь, Полинька, мне кажется, проще жить с буйным шизофреником, чем с Мурзиком. Шизофреника хоть изредка можно укладывать в лечебницу. А куда денешь собаку, она ведь родная, член семьи. Так вот. Мурзик боится только одного человека – моего дядю, отца сестры. Когда дедушка навещает дочь и внука, что бывает нечасто, Мурзик поджимает хвост и передвигается на согнутых лапах. Заметь, что дедушка никогда его не наказывал, но также и не ласкал, не кормил, не гулял с ним. Однако Мурзик буквально цепенеет в присутствии дедушки. И стоит тому недовольно крякнуть, как Мурзик от страха пускает лужу на пол. Доходит до смешного. Сестра хватает телефон и сует трубку в морду собаке: «Я сейчас дедушке позвоню!» Тогда мохнатый террорист наконец спрыгивает с ее постели, можно ложиться спать.

– Какая уничижительная аналогия, – засмеялась Полина Сергеевна. – Верочка, это снобизм. Грешно смеяться над собаковидными людьми.

– Если приходится с ними жить, то индульгенция в виде смеха вполне допустима. Если бы у Игоря было чувство юмора, не случилось бы двух инфарктов. Он абсолютно лишен способности взглянуть на собаковидных, как ты забавно их определила, под юмористическим углом зрения. Ведь данные особи в любой среде водятся.

Полина Сергеевна была полностью согласна с подругой. Серьезно и, следовательно, трагически воспринимать происходящее в доме нельзя было ни в коем случае. Больных, несчастных и беспомощных в нем не имелось. А если дать волю эмоциям, то их семья очень быстро превратится в филиал Клавиного семейства.

– Ты совсем запугал Клавдию Ивановну и Юсю, – говорила мужу Полина Сергеевна.

– Я? Запугал? – мгновенно вспыхивал Олег Арсеньевич, но видел на лице жены хитрую улыбку и сбавлял пыл. – Я с ними практически не разговариваю.

– Тем не менее при твоем появлении они поджимают хвосты, и я боюсь, как бы не начали пускать лужи. Испортят паркет в гостиной или ковровое покрытие в детской. Да и запах будет… как от Мурзика.

– Какой еще Мурзик? Кто у нас Мурзик?

В феврале Юся родила крепкого здорового мальчика. Назвали Эммануилом. Имя выбрала Юся, Арсений своих вариантов не имел.

– Что за имя? – ворчал Олег Арсеньевич. – Где она его откопала? У нас в роду все Арсении и Олеги. Язык сломаешь выговаривать: Эммануил Арсеньевич, как протестантский поп!

– Зато запоминается, – успокаивала Полина Сергеевна. – Саша, Ваня, Петя вылетят из головы, а Эммануила не забудешь. Не думаю, что Юся – поклонница Эммануила Канта, и Эммануила Казакевича вряд ли читала, скорей всего ей нравится артист Эммануил Виторган.

– Чудно! Прекрасно! Всю жизнь мечтал, чтобы моего внука нарекали в честь артиста!

– Мы можем звать его по-своему, по-семейному: Эмик, Мика, Мак…

– Эмка он, понятно же! Слушай, почему, когда мы произносим наши семейные имена, они звучат ласково и по-доброму, а когда их выплевывает жиртрест Клавдия Ивановна, в них слышится что-то унизительное. Вот ты говоришь «Юся» – и сразу видится трогательная девочка с растрепанными косичками. «Юська», – передразнил басом Олег Арсеньевич, – как дворовая девчонка на побегушках у бар. «Сенька» – у тебя выходит тепло и даже как-то обещающе, перспективно, что ли… А у нее – точно он пастух или дворник – простак, которому сложней лопаты или кнута инструмента в руки не дашь. Я тебе гарантирую, что «Эмка» в ее произношении будет вызывать ассоциации с довоенным допотопным автомобилем.

Со все умножающейся ненавистью Олега Арсеньевича к теще сына, с растущим отвращением к его жене Полина Сергеевна ничего не могла поделать. И она стала думать, что эти негативные чувства – для него своего рода защита, островок суши в море разочарования, в которое забросил их Сенька. Нужно ведь где-то отсидеться, передохнуть, извергнуть проклятия обидчикам. Полина Сергеевна испытывала те же чувства, но не могла себе позволить их высказывать, давила. Два дышащих ненавистью родителя – это уже слишком.

Прогноз Полины Сергеевны о том, что Юся будет замечательной матерью, к сожалению, не подтвердился. Она была истеричной матерью. Гипертрофированная забота сменялась полнейшим отсутствием всякой заботы. Настроения истеричных особ подобны качелям – то они взлетают до высшей точки, то падают вниз, теряя связь с действительностью. Ребенок плакал, кричал, заходился по ночам. Юся носилась с ним по квартире как безумная, с воплями: «Умирает! Он умирает! Вы люди или сволочи?! Вызывайте „скорую“!» А бывало, что надсадный хриплый крик Эмки не мог разбудить маму с папой. Тогда Полина Сергеевна входила в их комнату, брала внука на руки, уносила, кормила, поила водичкой, укачивала. Так продолжалось месяц, пока с помощью подруги Леночки, которая была на десять лет старше и уже дважды бабушка, Полина Сергеевна не заполучила педиатра Рубинчика.

Это был маленький мужчина лет тридцати пяти, работавший в известной детской больнице и подрабатывающий частной практикой. За визит он брал столько, сколько получал, наверное, в месяц по месту основной работы. Чтобы ценили и прислушивались, очевидно. Выражался Рубинчик совсем не так, как типичный педиатр. Участковый врач говорила: «Покакал жидким стулом», а Рубинчик: «Посрет зеленым, сразу мне звони». Он неуважительно «тыкал» Юсе и

Сеньке, словно они были не родителями младенца, а недоумками, которым с небес свалился ребенок.

Во время первого визита Рубинчик решительно и безоговорочно отстранил Полину Сергеевну и Олега Арсеньевича:

– Бабушка с дедушкой? Свободны! Отдыхайте, вы свое уже вырастили.

Осмотрев Эмку, Рубинчик приказным тоном велел Юсе:

– Взяла бумагу и ручку! Села конспектировать!

Он часа полтора диктовал, а Юся записывала, как кормить, поить, пеленать, купать, массировать животик, чтобы отходили кишечные газы, как избежать опрелостей, лечить экссудативный диатез…

Все это было в книгах, которые Полина Сергеевна загодя купила невестке, об этом толковали патронажная медсестра и участковый педиатр. Но Юсе, чтобы усвоить прописные истины, видимо, нужно было брать под козырек, нужен был командир вроде Рубинчика с его властным тоном и просторечными выражениями.

Полина Сергеевна, разговаривая с Леночкой, которая протежировала Рубинчика, посетовала на вульгарные манеры педиатра.

– Неужели? – удивилась приятельница. – На нас он произвел впечатление интеллигентного квалифицированного специалиста.

– Тогда нужно допустить, что Рубинчик еще и хороший психолог. Он видит мать и понимает, какая схема поведения необходима.

– А твоя невестка…

– Увы! И Рубинчик отчаянно дорог, хотя моя невестка звонит ему по три раза на дню, что покрывает любой гонорар.

– Полинька! Сколько зарабатывают врачи? А они тоже люди, и их жены не в лаптях желают ходить, а в стильных сапожках.

– Да, конечно, я понимаю, извини! Хороший доктор заслуживает хорошего автомобиля.

– Они зарабатывают на младенцах. Ах, прозвучало как цитата из фильма ужасов! Я имела в виду: вокруг новорожденного все носятся, как очумелые, и готовы платить любые деньги. А потом страхи рассеиваются, и бесплатный педиатр из районной поликлиники уже кажется вполне приемлемым.

– Ты совершенно права, и твой опыт оказал мне неоценимую услугу. Можно ли говорить, что опыт оказал услугу? При случае, пожалуйста, найди возможность донести до Рубинчика, что мы в восторге от его… профессионализма.

Рубинчик, как громоотвод, погасил Юсины истерики, стал ее богом и кумиром. По подозрению Полины Сергеевны, в привязанности невестки к педиатру имелась и другая составляющая, не имеющая ничего общего со здоровьем Эмки. В окружении Юси давно не было мужчин. А тут появился – грозный, с начальственным голосом. Хоть и плюгавенький, а можно вытребовать в любой час дня и ночи. Юся беззастенчиво пользовалась финансовым кредитом родителей мужа. Пока деньги не кончились и Полина Сергеевна не сказала, что прививки – бесплатно! – можно делать и в детской районной поликлинике. Юся обиделась и позвонила маме.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/natalya-nesterova/polina-sergeevna-kupit

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить